

Екатерина ДУБРО

Мотивы

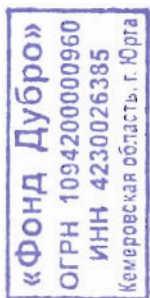
СТИХИ

Екатерина ДУБРО

Мотивы

С Т И Х И

Юрга
2011

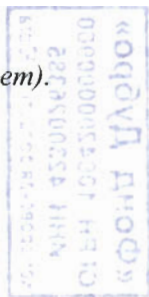
Дубро Е. В.

«Мотивы» – Стихи. – Юрга, 2011 – 102 с.

Екатерина Дубро – автор девяти книг повестей, рассказов, сказок. Она – член Союза писателей СССР, России, лауреат премии «Молодость Кузбасса» (1973), Почетный гражданин города Юрга (2002), кузбасской литературной премии им. А. Н. Волошина (2001), лауреат Премии Кузбасса (2007).

«Мотивы» – новая книга Екатерины Дубро, в которой впервые под одной обложкой собраны все издававшиеся и недавно обнаруженные в её архиве стихи.

(На обложке – Кате Дубро 20 лет).

СВЕТЛЫЙ ВЕТЕР

Вместо предисловия

В семидесятые годы при юргинской объединенной, то есть городской и сельской, газете «Свет Ильича» собиралась литературная группа, в которую входили молодые люди — в основном в возрасте двадцати-тридцати лет. А кое-кому и двадцати не было. Посещал эту группу и я — начинающий корреспондент юргинского сельско-городского издания, имевшего в ту пору тираж под двадцать тысяч экземпляров. Вёл занятия литгруппы сотрудник редакционного отдела культуры Виктор Иванович Чурилов.

Все мы были влюблены в поэзию, в литературное слово. На занятиях читали свои стихи, но-

веллы, рассказы... Обсуждали их. Считали членом литгруппы и Катю Дубро, которая из-за болезни не могла посещать занятия, но единственная из нас уже в то время имела громкое имя – её стихи, рассказы печатались в центральных и областных газетах, в альманахе «Огни Кузбасса», а в 1973 году в Кемеровском книжном издательстве вышел её первый сборник рассказов «Вернусь звездопадом».

Я был знаком с Катей ещё по учёбе в школе №2. Но так – со стороны. А где-то на рубеже шестидесятых-семидесятых попался мне на глаза альманах «День поэзии», собравший на своих страницах всё лучшее из кузбасской поэзии. Несколькими стихами было представлено здесь и творчество Кати Дубро, тогда ещё совсем юной. Эти стихи завораживали меня и техническим совершенством, и смыслом, мудрость которого – в простоте:

Что имела – потерялось,
Что ищу – не нахожу.
И кататься не каталась,
А вот саночки вожу.

Или:

...Не верю вкусу разогретых блюд,
Пусть даже их с изысканной приправой
На стол в посуде тонкой подают.

Ну, подумалось тогда, в Юрге появилось дарование, никак не уступающее высоте самой Марины Цветаевой. Захотелось поближе познакомиться с Катей. Так завязалась наша непростая дружба — со взаимным любопытством, со взаимным притяжением, но и с бесконечными спорами, даже ссорами. «Самый вредный читатель», — так она меня называла.

Но когда собралась на отдых в Крым, в литературный Дом творчества в Коктебеле, вдруг предположила: в пути может случиться крушение поезда. Погибнет! (Этот вопрос — смерть! — мучил её постоянно. Десятилетней она уже знала прогноз врачей: проживёт около тридцати лет. Между прочим, линия жизни действительно обрывалась у неё посередине левой ладошки, и вершила её, эту короткую линию, маленькая звёздочка.) Так вот, предположив крушение, двадцатичетырёхлетняя Катя в своём дневнике оставила своего рода... завещание. «Но вот — допустим! — и в самом деле не вернусь. Вещей у меня ценных нет, но всё же — кому что?» И далее: «Во-

первых, книги...» Шло перечисление, кому и какие книги отдать. Потом – магнитофон, ковёр, кресла... И такая строчка: «Пишущую машинку – Пете Бугаву». Это признание, открывшееся только теперь, очень дорого для меня. Ведь пишущая машинка на протяжении всей её жизни, лимит которой, очерченный медициной, Екатерина Дубро, благодаря природной воле, неземному упорству, превзошла вдвое, – была для Кати верным товарищем, сродни смыслу пребывания на Земле. Спасибо!

На заседании литгруппы, когда обсуждались первые рассказы Кати, кто-то заметил: «Она и в прозе остаётся поэтом». И это было правдой: немыслимые образы, сравнения, догадки буквально рассыпаны по её «прозаическим» страницам. Перед столь щедрым богатством порой останавливаешься в полном недоумении: то ли прозаическая строка перетекает в поэтическую, то ли – наоборот. Они равноценны.

Только один пример.

В «Сказке без названия» есть фраза: «Жуткими голосами воет выюга, бьется в промёрзлые окна, швыряет в них свое отчаянье».

А вот стихотворение примерно тех же лет:

А вьюга на дороге
Заламывает руки,
Как будто бы в тревоге,
Как будто бы в испуге.

Швыряет в стёкла синие
Отчаянье своё.
Какие ж это сильные
Печали у неё?

Но отдельных сборников своих стихов Катя никогда не издавала. От чрезмерной требовательности к себе. Вот ещё одна запись в дневнике: «Деградирую! Уж никому говорить об этом нельзя, даже думать стараюсь избегать... Никогда не смогу по-настоящему писать и даже лучше, чем раньше писала, не смогу – как бы не наоборот. Увы, это не скромность и не обычное критическое к себе отношение, а трезвое понимание реальности. Может, и брошу. Не для себя, а посылать никуда ничего не буду. Спрос-то отныне с меня увеличивается...»

Но следом:

«Когда что-то в тебе говорит: «Ты не художник», тот час же начинай писать,

мой мальчик, – только таким путём ты принудишь к молчанию этот внутренний голос. Тот же, кто, услышав его, бежит к друзьям и жалуется на своё несчастье, теряет часть своего мужества, часть того хорошего, что в нём есть...

Надо начинать такую борьбу с уверенностью в успехе и убеждённости в том, что ты делаешь нечто разумное, как крестьянин, который направляет свой путь... Нет у тебя лошади, значит, ты сам себе лошадь...» – это из письма Ван Гога. (Огромный том писем его, богато иллюстрированный картинами, читала в Коктебеле. Я вообще там очень много читала.) Совет Ван Гога – необходимый, отличный совет как раз мне... Рассказ «Самое главное», впрочем, начала писать уже от отчаяния, никак не получалось, и всё ж добила, домучила...

Стихи то уходили от Кати, то возвращались к ней снова, что объяснимо: они, как известно, «не пишутся, случаются...»

– Каждый пишет, как он дышит, – утверждала Катя со ссылкой на Окуджаву. – Значит, и перемены могут быть только дыхательные...

Те, что опубликованы, служили ей вроде иллюстраций, уточнений, итога к своим повестям, рассказам, сказкам. А неопубликованные? Иногда

кажется, что Дубро пряталась в них от слишком суровых внешних обстоятельств. А иногда — напротив, именно суровые обстоятельства выносили её на гребень высокохудожественной строки:

Невыносимей, невозможней
Ничто не кажется уже.
Но чувств центральная таможня
Вдруг пропуск даст твоей душе,
И вот — возможно. Выносимо...

В предлагаемой читателю этой небольшой книжице предпринята первая попытка собрать под одной обложкой все известные стихи Екатерины Владимировны — и публиковавшиеся, и неопубликованные, только-только обнаруженные в её богатом архиве. Даже после беглого прочтения видно, как крепло, утончалось, усложнялось её поэтическое видение — от стихов-зарисовок о внутреннем настроении, от стихов-эскизов о природе до строгих, глубоких, хотя, как правило, небольших, произведений философского обобщения.

В одной из рецензий на книгу Дубро сказано: «В её жизни не было значительных внешних событий». Бог ты мой, сколько же должно быть событий

в жизни человека? Лет в десять-двенадцать Катя начала писать стихи. В шестнадцать на дому окончила школу с серебряной медалью. В семнадцать, работая в комбинате бытового обслуживания швей, опять же на дому, заработала себе пенсию, не пособие по инвалидности, на которое и без того имела право, а трудовую пенсию. В двадцать пять у неё вышла первая книжка. В семидесятые-восемидесятые они издавались поочерёдно – с интервалом в два-три года. В тридцать лет на вертолёте Катю отправили в Новокузнецк, в ГИДУВ, – подлечиться. Врачи определили: жить ей осталось два-три месяца. А она выжила, включив «внутренние резервы». И озорно заметила в дневнике: «Привет медицине!» И сколько таких приветов, представляю, ею мысленно было послано медикам и в восемьдесят седьмом, и в девяностые, и в нулевые! В тридцать семь Екатерину Дубро приняли в союз писателей СССР. Хотя это могло случиться лет на восемь раньше: отказалась, посчитав «нахальством», имея за плечами всего две книги, находиться в одной компании с выдающимися советскими литераторами... Прикроватный настенный ковёр за сорок сидячих лет она протёрла до основания. Лбом. Это одновремен-

но и немое и кричащее свидетельство её нечеловеческой воли, каждодневного преодоления себя, любви к жизни, наполнения жизни смыслом.

Так сколько же событий должно быть в жизни человека, тем более обездвиженного? Кажется, хватит...

Я подтрунивал над Катей, когда она говорила, что один из кемеровских поэтов – «очень большой поэт». Она посвятила ему и сказку о волшебнике, и пронзительное стихотворение. Тот поэт и вправду был хорошим поэтом. Но – насколько «большим», насколько «очень»?

– Как Маяковский? Как Вознесенский? – Допытывался я.

– Да, как Маяковский, как Вознесенский. Потому что добрый, потому что светлый...

Возвращаясь от Кати домой, я бормотал: «Замолкает светлый ветер, наступает серый вечер...» Почему ветер светлый? Этого я не мог себе объяснить, но чувствовал, что он действительно светлый.

Пётр Бугаев

* * *

Пишу в своем я каменном квадрате.
Пульс времени неслышно замирает.
Лишь тикают настенные часы,
Такт безвременья тихо отбивая.
Мое перо узоры букв рисует
О тысячах героев бестелесных,
О наскоро сработанных конфликтах,
А лист, как прежде, остаётся белым.
Согнувшись, как вопроса знак привычный,
Мое перо сквозь зрак чернильный смотрит
На лист пустой. И суть моя влечётся
На улиц шум, в поток разноречивый,
Где знак ответа, может быть, отыщет.

Пишу в своем я каменном квадрате.
У растворённых к горизонту окон,
И бурно, жизнерадостно стучится
Пульс времени в моих раздумий строки.

июнь, 1972 г.

ПРЕДУВСТВІЯ

* * *

Что имела – потерялось,
Что ищу – не нахожу.
И кататься не каталась,
А вот саночки вожу.

Уж такой, наверно, жребий,
Был предсказан налегке:
Журавля не видно в небе –
И синицы нет в руке.

1966 г.

* * *

В дождик вылилось ненастье
На фонарный жёлтый свет.
Мне не надо много счастья,
Но и маленького нет.

Ни печальней, ни теплее
Уж не будет никогда.
Я не плачу, не жалею —
Ноль не делится на два.

1966 г.

НОКТЮРН

Снег на ветках лапами.
Грустью ночь жива.
Жесты стали слабыми,
Горькими – слова.
Словно после обыска,
Жизнь моя пуста.
Лёгким синим отблеском –
На стекле звезда.

1966 г.

* * *

Ничто нам не стоит так дёшево,
Но ценится мерой большой,
Как сделать хоть малость хорошего
Для радости чьей-то чужой.
И щедро себя отдавая,
Ты будешь согрет и любим.

Цена – это память людская
Делам и поступкам твоим.

1966 г.

* * *

Небо тучи тоскливо навесило,
Ветер с кронами серыми спорит.
Как давно уже не было весело —
И как будет, наверно, нескоро.
Этим хмурым, задумчивым вечером
Только дождик ко мне постучится:
Ждать мне некого.
Верить мне нечему.
Что случилось — уже не случится,
А что будет — откуда я знаю!
Лишь бы света крупицы любые...

Словно душу свою распиная,
Небо плачет слезами моими.

октябрь, 1966 г.

* * *

Беды и напасти,
грустные заботы.
Память или счастье,
Или горе чьё-то?

Вечный груз, тяжёлый, —
Никуда не деться.
С памятью весёлой
незнакомо сердце.

1966 г.

* * *

Я быть покорной научилась,
Но стать негордой не смогла.

А ночь сквозь стёкла просочилась,
У ног, усталая, легла,
Свернулась множеством вопросов —
На них ответа не найти ...
Позёмка веником белёсым
Метёт безлюдные пути.

декабрь, 1966 г.

ВЬЮГА

А вьюга на дороге
Заламывает руки,
Как будто бы в тревоге,
Как будто бы в испуге.

Швыряет в стёкла синие
Отчаянье своё.
Какие ж это сильные
Печали у неё?

март, 1967 г.

* * *

Вот и снова я в дороге
И куда-то снова еду.
Мои тайные тревоги,
Мои маленькие беды —
На вокзале всё осталось.
Но пока что багажом
Даже то, что поломалось,
Мы зачем-то бережём.

1967 г.

* * *

Как хочется заметных перемен,
Как хочется чего-либо другого!
Подальше от сомнений и измен,
Оставить всё –
И всё начать по-новой.
Я не хочу зашторивать окно!
И мой ведь путь
зачем-нибудь, да начат!
Пускай не будет лучше – всё равно:
Иначе только,
Только бы иначе!

март, 1967 г.

* * *

Здесь взгляд шуршит по жёсткому песку,
Здесь ясный лес уходит взгляда дальше...
Мне просто здесь.
И ландыши цветут
На синих сопках. Жимолости запах.
И облака, как грустный сон, плывут
С востока — от меня —
К тебе — на запад.

июнь, 1967 г. (курорт «Кульдур»)

МОТЫЛЁК

Я сердце кладу на ладонь:
Возьмите, пожалуйста, вот.
Летит мотылёк на огонь,
И крылышки он обожжёт.
А может, и вовсе сгорит
Нелепый ночной мотылёк.
Он думает, к счастью летит.
Значит, иначе не мог.

сентябрь, 1967 г.

ТУМАН

Дымом в сумерках туман
Над землею стелется...
Где же правда, где обман? –
Ни во что не верится.
Мне бы радости чуть-чуть,
Да удел не дан.
Впрочем, будет как-нибудь.

... Ах, какой туман.

сентябрь, 1967 г.

* * *

Бамбук цветёт однажды лишь.
Отцветши, гибнет сразу.

Зачем напрасное велишь,
Мой слишком трезвый разум?
Как будто можно изменить,
Как будто что поможет!
Ведь даже Ариадны нить
Уже спасти не сможет:
Не будет сильных, верных рук
Ни далеко, ни возле...

Лишь только раз цветёт бамбук.
Он умирает после.

октябрь, 1967 г.

* * *

Радость моя несмелая,
Искоркой тлей-догорай.
И обмануть не сумела я,
И не попала в рай.

Тщетно искала спасения:
Прошлomu былью не стать.
Счастье, как небо осеннее, —
Близко, да не достать.

октябрь, 1967 г.

ФРЕСКА

Отсентябрило.
Непререкаемая тишь.
Такая высота соборная,
Что перед миром за порогом,
Как перед фрескою стоишь!

И осень ранней багрецой
В моих прозрачных льётся буднях...
Запечатлим её лицо:
Пусть будет девочкой...
Пусть будет!

19 октября, 1967 г.

БЕЛЫЙ СТИХ

На закате дожди косые,
Ночью дожди косые,
Утром дожди косые...
А днём вдруг заиндевело, —
И снегу полно в России.

В снежной такой России
Высокие сосны небо
На ветках качают синих —
Высокие, аж косые.

Как до рук не дотянется пламя,
До весны не достанет память.

То ли ветер устал, умаян,
То ли детство осталось в мае,
Только в снежной такой России
Небо — было ль, не было ль? —
Всё бело,
Всё бело.

2 мая, 1972 г.

* * *

Ветер слёзно с чем-то спорит.
Даль туманами покрыта.
Завтра в море, завтра в море
Отплывёт моё корыто.
Утлое, подбито бурей,
Скромно дышит на причале.
В нём давно мечты уснули,
В нём давно одни печали.
Это ничего не значит
Перед всей пространной далью.
Я на нём большую мачту
Из мечты своей поставлю.
Небо вырежу на парус,
Месяц будет лучший якорь.
Ничего, что так пришлось,
Ничего, что ветер плакал.

ноябрь, 1972 г.

* * *

Ветер слёзно с чем-то спорит.
Даль туманами покрыта.
Завтра в море, завтра в море
Отплывёт моё корыто.
Утлое, подбито бурей,
Скромно дышит на причале.
В нём давно мечты уснули,
В нём давно одни печали.
Это ничего не значит
Перед всей пространной далью.
Я на нём большую мачту
Из мечты своей поставлю.
Небо вырежу на парус,
Месяц будет лучший якорь.
Ничего, что так пришлось,
Ничего, что ветер плакал.

ноябрь, 1972 г.

ОЖИДАНИЕ

А завтра – снег.
Он ляжет у окна,
Перечеркнув сомненья белизною,
И рухнет грусти чёрная стена,
И небо встанет белою стеною.

Но это – завтра.
А пока придётся ждать,
Что мир поймёт
И станет вдвое краше,
Чтоб после было сладко повторять,
Что позади зима тревоги нашей.

1976 г.

ПТИЧНИЙ ЗАВТРАК

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Лужи льдом звенели тонко,
Холод крался до костей.
Мама, папа и Алёнка
Возвращались из гостей.
А котенок так мяукал!
Тоже маленький, заметь.
Быть голодным – это мука,
Горе – дома не иметь.
Ну, конечно же, Алёнка
Забрала к себе котёнка!

СТАРАЯ КУКЛА

Много у Кати красивых игрушек:
Кубиков, кукол и всяких зверушек.
Только одна всех дороже игрушка —
Старая кукла, родная подружка.
Вместе росли и печалились вместе.
На самом почётном находится месте.

ОЛИН СОН

Вот какой приснился сон:
В парк пришел огромный слон,
Хобот длинный опустил:
«Кто залезет?» – пригласил.
Страшно Оле, но она
Залезает на слона.
Все глядите – не трусиха!
...И проснулась. Тихо-тихо
Светят в окна фонари.
«Мама, – крикнула. – Смотри!
Ах, теперь уж опоздала:
Слон ушёл, а ты проспала!»

ПТИЧИЙ ЗАВТРАК

На карнизе у окна
Горки жёлтого пшена:
Ровно в девять утром каждым
Тут как тут народец важный.
На ветвях расселись близко.
Ну, и гаму, ну, и писку!
Сколько всех-то? Пять и шесть.
Застучали клювы в жёсть.
Вон еще — не сосчитать,
Умудрились опоздать!
В очередь, синицы,
Надо становиться.
Не толкайся, голубь, слишком,
Уступи-ка воробышкам.
Подкрепились? А теперь
И мороз не страшный зверь!

ЧТО СКАЗАЛО ДЕРЕВО

Я знаю, Костя-малышок,
Старался для добра ты.
Скворечник – это хорошо,
Скворчишки будут рады.
Но, слышишь, дерево скрипит?
Мне больно, мальчик Костя!
Зачем мой ствол тобой пробит?
Зачем стальные гвозди?
Ты привязал бы птичий дом
Покрепче – и довольно,
Поскольку главное-то в том,
Не делать чтобы больно
Ни человеку, ни зверью,
Ни дереву, ни воробью.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

У меня смешной щенок,
Голосишко, как звонок.
Что за лай? Приснилось что
Или кто обидел?
И не это, и не то —
Он себя увидел!
Озадачен: вот вопрос,
Как в трюмо пробрался пёс?

ОБМАН

А в листве, чирик-чюрли,
Птицы песню завели.
Только Филька-кот сердит,
На окне своём сидит.
Хвост дрожит и челюсть тоже:
Птичек он поймать не может.
Чик-чирик, чирик-чюрли,
Птицы Фильку провели!

ЗАГАДКА

Провисло небо мокрое
На крышах полотном,
Укрыло серым до края
Весь город за окном.
Но небу на подмогу,
Чтоб высушить его,
Откуда-то вдруг сбоку
Явилось существо.
Утюжит, да с припаркою,
И дождь скорей ушёл,
И небо снова яркое
И лёгкое, как шёлк.
Что за утюжок, угадай дружок!

ВАЖНЫЙ ГОСТЬ

По паркам опустелым,
По улицам – взагон
С каким-то срочным делом
Промчался Ветер. Он,
На удивленье, истово
Желает только чистого.
Уже совсем не в прятки
Играл, шурша листвой.
– Какие беспорядки! – взвывается.
– Хоть вой!
И листья жались к стенам:
– Ах, спрятаться бы где нам?!
Столпились тучи низко,
Вот-вот прольётся душ,
Да нет свободной миски –
Полны газоны луж.
– Кыш, кыш! – сердчает Ветер.
– Вы будете в ответе!
– К чему бы так стараться? –
Вмешался старый Клён.
– Предполагаю, братцы:
Не ждёт ли гостя он?

А смысл догадки мудрой
Все поняли наутро:
Белым-бело повсюду,
И замер человек:
Явилось в гости чудо —
Явился первый снег.

КАК ГРЕЕТСЯ ОСЕНЬ

Посмотрел в окно Сашок,
А в его садочке
Тополь лампочки зажёлг —
Жёлтые листочки.
Светят жаркие, и днём
В зелени. Однако —
Притаился за углом
Ветер-забияка.
Изо всех что было сил
Дунул в свой свисток,
Моментально погасил
Каждый огонёк.
Только он старался зря:
Позабыл ветрило,
Что с приходом сентября
Осень наступила,
Что всё ярче здесь и там
С каждым днём пылать кустам:
Осень греется!

ОЖИДАНИЕ

* * *

Я знала, что ты не придёшь,
И всё же зачем-то ждала.
Нашёптывал грустное дождь
О том, что сгорело дотла.
О том, что восстало из пепла!

А небо навеки ослепло:
Так кажется мне без тебя.

1967 г.

* * *

По ошибке судьбой ниспосланную,
В тайне давнишней строго хранимую,
Ты целуешь меня, нежеланную,
Обнимаешь меня, нелюбимую.
Так уж вышло.
Не рада, конечно, я.
Но твоё одиночество длинное...
И клянусь себя, каюсь, безгрешная,
И прощенья прошу, неповинная.

1967 г.

* * *

Ушёл опять. Я подожду.
Ведь знаю же давно:
Хоть и сказал ты: «Не приду», –
Вернёшься всё равно.

Я верю в это потому,
И верю много лет:
Не может быть конца тому,
Чему начала нет.

сентябрь, 1967 г.

* * *

Ты думаешь, я счастлива?

Нисколько.

Ты думаешь, мне радостно?

Ничуть.

Зачем пытаться склеивать осколки?

Кого хотим мы этим обмануть?

Не стоит, согласись.

Не стоит, право:

Не верю вкусу разогретых блюд,

Пусть даже их с изысканной приправой

На стол в посуде тонкой подают.

октябрь, 1967 г.

* * *

Ты думаешь, я счастлива?

Нисколько.

Ты думаешь, мне радостно?

Ничуть.

Зачем пытаться склеивать осколки?

Кого хотим мы этим обмануть?

Не стоит, согласись.

Не стоит, право:

Не верю вкусу разогретых блюд,

Пусть даже их с изысканной приправой

На стол в посуде тонкой подают.

октябрь, 1967 г.

* * *

Сквозь множество картин
Нам даль уже видна.
Но просто ты один,
И просто я одна.

За мной горят мосты:
Уйдёшь – не ворочу.
Всё так, как хочешь ты.
Всё так, как я хочу.

октябрь, 1967 г.

* * *

Не знаем мы часто мгновенью цены,
Порою за явь принимаем мы сны,
И чувства свои подменяем словами,
И любим не тех, кому дороги сами.

1967 г.

* * *

И в частности не помню зла,
И в общей сумме я.
Богиня Разума спасла
Жреца Безумия!

Всё хорошо – и, наконец,
Понять успеешь-ка,
Что жрец, он вовсе и не жрец,
А так – плебеишка?!

1968 г.

* * *

То ли распорола,
То ли снова сшила —
Не найдётся в стог
Тонкая игла.
Не заколдовала,
Не приворожила,
А ведь я — колдунья,
Я ведь всё могла!

Листья, листья, листья
Ветром закружило,
И дождей холодных
Непроглядна мгла.
Не заколдовала.
Не приворожила.
А ведь я — колдунья,
Я ведь всё могла...

1968 г.

* * *

Обещаний не надо: что толку,
Если сердце неправдой неволишь.
Я ведь знаю, что ты ненадолго,
Даже, может, до завтра всего лишь.

А поэтому — осень всё та же,
Те же иная тонкие иглы...
Ты находка моя и пропажа,
Неизвестность, какой не постигла.

1968 г.

* * *

С тобой под ливнями не мокну,
Не жарюсь рядом на песке.
Мои зашторенные окна
Сигналят тихо о тоске.

Всё просто и непоправимо.
Но никогда я не пойму,
ЗАЧЕМ ты с нею ходишь мимо —
Как раз по сердцу моему.

июнь, 1969 г.

* * *

Колючий дождь
Рассыпался по раме.
На целый день.
На два.
На много дней.
Седьмая осень
стынет между нами.
Седьмую осень
стыну вместе с ней.

октябрь, 1969 г.

* * *

Не знаю, думал ты об этом?
А я вот думаю всегда,
Что наша встреча давним летом —
Тебе кручина и беда.

Ты знаешь сам: я уходила —
Не раз, не два, ты знаешь сам!
Покуда молодость водила
Тебя по разным адресам.

Но всё равно непоправима
Вина моя. Навек в долгу:
Ты не шагнул тем летом мимо,
А я встать рядом не могу!

1969 г.

* * *

В каком-то давнем сне
Обречься жизнью всей
Тебе – моей весне
И осени моей.

А ты, тоской сносим,
На том же вираже –
Все десять долгих зим
И десять лет уже.

Какие тут слова,
Коль тишины обвал?!.
Но снова я права:
«Тебя никто не звал».

Нелепой правоты
Нелепо торжество.
И возраст той беды
Не десять лет, а сто.

февраль, 1973 г.

* * *

А наши встречи — что вокзал:
Ни праздников, ни буден.
«Зачем прощаться? — ты сказал. —
Прощаться мы не будем».
А наши чувства — что они?
Не господа, но слуги.
И потому все наши дни —
Двенадцать лет разлуки.

А наша близость — что она?
Лишь то, что намолчали.
Лишь то, что знаю я одна,
Когда ты опечален.

Прощаться мы не будем —
Давно уже простились.

май, 1975 г.

ПОЛНОЧЬ

До завтра!
А завтра?
А завтра, может случится,
Всё будет напрасно и поздно:
Непримиримо вовсе,
Непоправимо в общем —
Ни писем, ни локтя возле.

Даже птица
В окна не постучится.

Просто
У каждого есть
Свой единственный поезд,
Почему-то которому не стоитя...

Сколько нас,
Мечущихся по перронам,
Но после,
Когда уже поздно,
Когда уже полночь...

март, 1976 г.

* * *

Откуда нежность эта?
Откуда жалость эта?
Неужто снова лето?
И снова в беспорядке
Те старые тетрадки,
В которых что ищу я?
Какая странность: снова
Ни дела никакого,
Ни возраста —
Лишь музыка былого.
Лишь боль былой печали,
С которой повенчали
Меня Судьба и Ты.

1979 г.

* * *

В который раз мне твой возврат –
Негаданное чудо.
Хотя, быть может, сам не рад.
Но спрашивать – не буду.

Приобретений и потерь
Подсчитывать не станем.
Но сколь же многое теперь
Поменяно местами!

А два десятка наших зим?
До неба тех сугробов!
Весны своей не воскресим,
И правы снова оба.

Уйдёшь – не стану окликать,
В печалях – не поникну.
К уходам мне не привыкать,
К возвратам – не привыкнуть.

апрель, 1982 г.

* * *

Ну, и как тебе живётся?
Ну, и счастлив ли?
Спится? Любится? Поётся?
Знать, засовы помогли?

Ну, и как тебе забылось
Про меня – запрет – одну?
Сердце даже не забилося,
Что погибну - утону?

Снег зато летит бесплатно
И уже капелью бит.
Ну, и ладно. Ну, и ладно.
Нет вопросов. Нет обид.

январь, 1983 г.

* * *

- Я уйду от тебя.
- Значит, не по пути.
- Я уйду от тебя!
- Так и быть: уходи!

Но ведь, судьбам переча,
Расставаться не впрок:
Лишь отложена встреча
На неведомый срок
В жизни экой невесть.
Догадаемся ли?!
Так какую же весть
Мы друг другу несли?

декабрь, 1991 г.

ОТКРЫТИЯ

* * *

Я вечер, как книгу листаю,
Где строки багрово-густые,
Усталой рукой открывая
Застёжки его золотые.

И первую вижу страницу:
По ней ожиданье струится,
Вторая – смежаю ресницы,
А третья – она уже снится.

июнь, 1972 г.

* * *

Послушна року какому-то,
Опомнилась лишь потом:
Сдавала ведь только комнату,
А заняли целый дом!
Хранила молчанье гордое —
Никто же не виноват.

Словно на страже города
В кольце бессменных блокад.

февраль, 1968 г.

* * *

Ах, что слова? Тщета потуг
придать неслышимому звук
и взвесить то, что невесомо —
на грани пёрышка и грома.

Как, стоя у огня души,
забыть закат пылающий?!

1968 г.

ВРЕМЕНА ГОДА

В воздухе пахнет солью и сеном,
Осень на землю роняет семя,
Осень работает на весу,
Осень работает на весну.

Ты не грусти о красе весенней,
Уж так повелось и бессильны люди:
Если в землю не бросить семя,
Мир обветшает и вёсен не будет.

Но чтобы владыкой не стала пороша
И прель не морочила глаз озерных, —
Денно и ночью сыплет по рощам
Осень свои драгоценные зёрна.

И когда, с разворота, апрельский ветер
Бросит краской в лицо зелёной,
Ты не забудь как высок и светел,
Октябрь сжигал свои древние кроны.

октябрь, 1972 г.

МОИ ТОПОЛЯ

Во дворе тополя
То ль в пуху, то ль в цвету,
Словно ждут топора –
Так растут.

Словно им не успеть
Дотянуться до крыш,
Где пронзителен свет,
Поразительней – высь.

Так спешат, так растут,
Словно ждут топора, –
Им бы лишь заглянуть
Вглубь чужого двора...

август, 1974 г.

УСТАЛОСТЬ

Возьму и куплю себе вазу,
большую хрустальную вазу,
пусть летом цветут в ней цветы
любой красоты.

А осенью пусть в ней пылают,
Кленовые листья пылают
И ветка прощальной берёзы —
пока не нагрянут морозы,
пока не зажгутся на стёклах,
окошка бессонного стёклах
цветы ледяные, нездешние.

Я знаю: зима не кончится,
зима никогда не кончится.
В природе такое случается,
когда зима не кончается.
И стану я складывать в вазу,
в пустую хрустальную вазу
свои в невесомых одеждах
былые надежды.

июль, 1977 г.

* * *

Добро, отложенное на потом,
Уже не сыщет нужный дом.
Коль опоздало, не спасло,
То не добро уже, но зло.

Об этом помнила — и всё же...
Втройне теперь плачу дороже.
Втройне суров конечный суд:
Ни Бог, ни совесть не спасут.

март, 1978 г.

ОТКРЫТИЕ

Невыносимей, невозможней
Ничто не кажется уже.
Но чувств центральная таможня
Вдруг пропуск даст твоей душе,
И вот – возможно. Выносимо.
За счёт каких резервов?! И
Хотя другими будут зимы,
Другими вёсны, но – твои.

И вот живёшь. И даже занят,
Не веря собственным глазам:
Лошадка та же, те же сани,
Одно лишь новое – ты сам.

апрель, 1979 г.

Какая горькая отрада:
Мне ничего уже не надо.
Не надо телу шевелиться,
Не надо видеть чьи-то лица...

Но вот — в опасности предела —
Стучатся в дверь мою несмело:
То человек явился в дом,
И человек тот незнаком.

И плачет он в моём дому,
Как будто я родня ему.

Как у меня, не день — пустыня?
Как я сама, на солнце — стынет?
Как я, в последнем тупике?
Как мне, не выйти из пике?

И боль чужая обожжёт,
И боль чужая свет зажжёт!

И вспомню я, что ночь — для дня,
Что мы друг другу все — родня:
По боли жизни на Земле,
По света поискам во мгле.

/...Какая страшная награда
За то, что ничего не надо!/

май, 1980г.

ПРИМЕТЫ

На счастье колется посуда,
На горе бьются зеркала.
Они и бились, но – покуда
Их суеверно берегла.

Потом усталость одолела:
Как поживётся, так и пусть.
А до примет – какое дело?
И ничего-то не боюсь.

Посуды битой много в доме.
Не бьются только зеркала!
И горя нет. Но только, кроме,
И счастья нет.
Одни суетные дела.

1980 г.

ВЕСТЬ

Сорока дважды прилетала —
И я уже ждала вестей.
Синица дважды трепетала
В открытой форточке моей.
Паук свалился на постель.
И я ждала вестей.
Каких?!

И вот — хоть на суку повисни:
Я дождалась вестей! О тризне!...

ноябрь, 1981 г.

*(На смерть поэта
Игоря Михайловича Киселёва)*

* * *

Мама, мама —
Начало великой печали.
У меня за плечами
Серой мýки твоей километры...
Как тоскуешь ночами!
И чертишь
Озябшими пальцами
Отчаянный путь мой,
По стёклам.

1985 г.

* * *

За седмицей седмица,
За страницей страница...
Горевать и виниться
Мне в своей во темнице,
А гостям веселиться
У меня во светлице —
То ли Вестиной жрицы,
То ли просто сестрицы.

1996 г.

* * *

Терзается душа:
Опять мой ум в разброде,
Впустую дни верша!
И позвоню Володе –
За книгами (по воду),
За книгами (по воздух)
Отправлюсь-ка опять:
– Дадите почитать?

В обычнейшем аду,
У самого у края
За Словом вглубь уйду, –
Себя же собирая.

1996 г.

* * *

Обрубыш – тополь и недвига – я,
Через окно глядим мы друг на друга.
А он... Трепещет веточкой, смутьян,
О трёх листках – задиристо, упруго.
Спасибо! Я – потрясена,
Таких даров ещё не получала.
Чего же нам? Есть ветер и весна.
Продлиться в жизни пробуем с начала!

ноябрь, 1998 г.

* * *

Запой, стрельбы, распродажа
И тел, и душ, и красоты.
Россия-мачеха, когда же
Очнёшься к материнству ты?!

ноябрь, 1998 г.

ВОСХОЖДЕНИЕ

* * *

Не навек ли затмилось?
Оказалось, что нет:
Как последняя милость —
Давней нежности свет.

Как бы ни надломилось,
Как ни горек бы хлеб, —
Есть последняя милость
У любой из Судеб.

апрель, 1982 г.

* * *

Судеб пути и перепутья. Но
Един Закон - и здесь, и выше:
Рассветно всякое окно,
Дойти до Солнца всем, кто вышел,
И встречи неслучайны: так:
Таятся в каждой, как спасибо,
Ответы судьбам, свет и знак
Всего во всём и каждом, ибо —
Удел один.

1987 г.

* * *

Во сне — Медведица Большая,
А въявь наземное итожу:
Я в этом городе чужая.
И в мире этом тоже?

А где своя? Где подыскала
Себе приют?
Во сне одном такие скалы,
Где даже птицы гнёзд не вьют.

В другом — за окнами моими,
Как взрывом, взвихрена листва...
А я своё не оправдала имя —
Его заветные слова.

1996 г.

* * *

Плеч не сгорбила б кладь
Да не выстыл бы Дом,
Ключевая б звенела вода!
Я пришла вспоминать,
Что увижу потом
И зачем возвращалась сюда.

А хранят мой святец
Не заслон-городьба,
Не молитвы за тридцать монет —
Только Мать и Отец,
Только Жизнь и Судьба.
Только Нежности Свет
В Тишине.

1996 г.

* * *

Пишу... Но так лишь говорится...
Предназначение письму –
В повествованиях и лицах
Себя, быть может, я пойму?

май, 1997 г.

ПРИЗНАНИЕ

Некрещёная я.
И не стражду в мольбе,
Что послабочку, сжалившись, дашь Ты.
Просто жизнь моя вся,
Как молитва Тебе –
Каждым вздохом, движением каждым.
На дороге к Тебе,
Одно к одному,
Предуказано давним обетом –
По охоте моей
И персту Твоему...
Наконец вспоминаю об этом.

май, 1997 г.

* * *

Живу: выстраиваю дом.
Пишу: окошки прорубаю.
И нежность крышей в доме том,
Как небо, голубая.

Вот печь кладу из бед своих,
Полы повыстелю из горя.
Что может быть прочнее их
В защите и опоре?

Вот, потаенны и тихи,
И мне на помощь в зимы оны, —
Там возведут мои стихи —
Укромных лестничек наклоны.

На чердаке, но не впотьмах,
В кладовках, и немало,
Мерцают тайной сказки — ах! —
И всё, о чём узнала.

А из терпенья, для зверья,
С водицей звонкое корыто
Вблизи от дома врою я...
Входите, странники: открыто.

ноябрь, 1996 г.

* * *

И в ужасе уже: неужто горя мало?!
И здешних часиков кончается завод!
Я позвана была, но зову не внимала:
Да кто такая-то? Ну, вот.
О чём тут говорить?
Хотя бы у порога
Успеть обуться: дальняя дорога.

май, 1998 г.

УТРО

О чём ни многословь,
Правды измысль какие —
Есть Вера, Надежда, Любовь
И мать их София.

Мраком ли, солнцем слепя,
День тот тогда лишь и вышел,
Когда ты поверил в себя —
С надеждой на Промысел свыше.

В любви ко всему, что есть,
Приемля смиренно и мудро...
Сегодня мне важную весть
Напомнило снежное утро.

сентябрь, 1998 г.

* * *

Облаков безбрежные слои
Растворятся в небе без следа.
Мне бы так! И все следы свои
Растворить в ничто и в никуда.

В одиночку быть мне на роду.
Быть со светом ночью, днём – во мгле...
Ни к кому во сны я не приду –
Нет такого дома на Земле.

ноябрь, 1998 г.

* * *

Не назад оглянулась – окрест:
Здесь, сейчас, пред собой, вблизи.
Говорила душа мне: – Твой крест,
Одна его неси.

И несу. И не в тягость: мой.
А тоску дано ль превозмочь?
Я уже возвращаюсь Домой –
Сестра и, конечно же, дочь.

Но пока еще здесь жива, –
Книги, будьте со мной заодно;
Охраните меня деревья,
От взоров чужих в окно;

Лист тетрадный письма моего,
Претерпи, белизной осеня:
Ближе вас у меня никого.
А у вас – благодарней меня.

ноябрь, 1996 г.

СКРИПАЧ

1.

Как от обиды сжало горло,
Когда аккорд пошёл по залу.
Он падал, лез, взбирался в гору,
И чуть срывался – в жар бросало.

Скрипач метался в иступленьи,
Сам не владея этим адом.
Он вёл смычок на преступленье,
Толкая корпусом и взглядом.

Тоска текла рекою полной
И уносила скрипача,
А он барахтался на волнах,
Как перед гибелью крича.

2.

Какая там скрипка. Здесь всё позабыто.

Кусок деревяшки, он здесь ни причём.

Здесь жизнь сама сбросила маску событий

И дышит над ухом, и давит в плечо.

Скрипач канул в бездну – судьба покарала:

Он слишком был хрупок для музыки той.

А занавес мялся в рыданиях хорала

И блики метались по сцене пустой...

февраль, 1973 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Светлый ветер. (Вместо предисловия).....	3
«Пишу в своем я каменном квадрате...»	12
ПРЕДЧУВСТВИЯ.....	13
«Что имела – потерялось...»	14
«В дождик вылилось ненастье...».....	15
Ноктюрн.....	16
«Ничто нам не стоит так дешево...»	17
«Небо тучи тоскливо навесило...»	18
«Беды и напасти...»	19
«Я быть покорной научилась...»	20
Вьюга.....	21
«Вот и снова я в дороге...»	22
«Как хочется заметных перемен...»	23
«Здесь взгляд шуршит по жесткому песку...» ...	24
Мотылёк.....	25
Туман.....	26
«Бамбук цветёт однажды лишь...».....	27
«Радость моя несмелая...»	28
Фреска	29
Белый стих	30
«Ветер слёзно с чем-то спорит...»	31

Ожидание	32
----------------	----

ПТИЧИЙ ЗАВТРАК33

Однажды вечером	34
-----------------------	----

Старая кукла	35
--------------------	----

Один сон	36
----------------	----

Птичий завтрак	37
----------------------	----

Что сказала дерево	38
--------------------------	----

Недоразумение	39
---------------------	----

Обман	40
-------------	----

Загадка	41
---------------	----

Важный гость	42
--------------------	----

Как греется осень	44
-------------------------	----

ОЖИДАНИЕ.....45

«Я знала, что ты не придёшь...»	46
---------------------------------------	----

«По ошибке судьбой ниспосланную...»	47
---	----

«Ушёл опять. Я подожду...»	48
----------------------------------	----

«Ты думаешь, я счастлива...»	49
------------------------------------	----

«Сквозь множество картин...»	50
------------------------------------	----

«Не знаем мы часто мгновенью цены...»	51
---	----

«И в частности не помню зла...»	52
---------------------------------------	----

«То ли распорола...»	53
----------------------------	----

«Обещаний не надо: что толку...»	54
--	----

«С тобой под ливнями не мокну...»	55
«Колючий дождь...»	56
«Не знаю, думал ты об этом...»	57
«В каком-то давнем сне...»	58
«А наши встречи – что вокзал...»	59
Полночь	60
«Откуда нежность эта...»	61
«В который раз мне твой возврат...»	62
«Ну, и как тебе живётся...»	63
«– Я уйду от тебя...»	64

ОТКРЫТИЯ.....65

«Я вечер, как книгу листаю...»	66
«Послушна року какому-то...»	67
«Ах, что слова? Тщета потуг...»	68
Времена года	69
Мои тополя	70
Усталость	71
«Добро, отложенное на потом...»	72
Открытие	73
«Какая горькая отрада...»	74
Приметы	76
Весть	77
«Мама, мама...»	78

«За седмицей седмица...»	79
«Терзается душа...»	80
«Обрубыш – тополь и недвига – я...»	81
«Запой, стрельбы, распродажа...»	82

ВОСХОЖДЕНИЕ.....83

«Не навек ли затмилось...»	84
«Судеб пути и перепутья. Но...»	85
«Во сне – Медведица Большая...»	86
«Плеч не сгорбила б кладь...»	87
«Пишу... Но так лишь говорится...»	88
Признание	89
«Живу: выстраиваю дом...»	90
«И в ужасе уже: неужто горя мало...»	92
Утро	93
«Облаков безбрежные слои...»	94
«Не назад оглянулась – окрест...»	95
Скрипач	96

Литературно-художественное издание

Дубро
Екатерина Владимировна

МОТИВЫ

Стихи

Составитель
Майя ТУРАЛИНА

Редактор
Пётр БУГАЕВ

Вёрстка
Виталий ШЕПЕЛЬ-КУРОПАТОВ

Формат 60х84/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,96.

Тираж 500 экз. Заказ № 2567. 12.10.2011 г.

Отпечатано в ОАО «Юргинское полиграфическое производственное объединение»
652050, Кемеровская обл., г. Юрга, ул. Ленинградская, 4.

Кемеровский региональный Фонд им. Е. В. Дубро выражает сердечную благодарность юргинцам за добровольные пожертвования для реализации целей и задач Фонда – в частности, на издание сборника стихов «Мотивы».

Напоминаем реквизиты «Фонда Дубро»:

Наименование получателя платежа: «Фонд Дубро»

Наименование платежа: пожертвование на реализацию задач Фонда.

**Номер счета получателя платежа:
40703810226060010249**

**ИНН получателя платежа: 7707083893,
КПП 423002001, БИК 045004641**

**К/с банка получателя платежа:
30101810500000000641 Сибирский банк
Сбербанка России, г. Новосибирск.**

**Адрес Фонда: 652050, Кемеровская область,
г. Юрга, ул. Московская. 40-128.**

